

УДК 316.334.55(476)

Р. А. СМІРНОВА

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Институт социологии НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 10.03.2015)

Реформирование страны актуализировало научный и практический интерес к проблемам, связанным с ценностной трансформацией белорусского социума, ее спецификой и влиянием на состояние провинциальных сообществ. Для характеристики этих трансформаций и их специфики в отношении локальных социально-территориальных образований, как правило, используют понятие менталитета. В самом общем виде под менталитетом понимают совокупность социально-психологических и духовно-нравственных качеств индивидов и социальных общностей, взятых в их органической целостности, определяющих их предрасположенность мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом, готовность определенным образом действовать, предпочитать (или опровергать) определенные ценности, культурные нормы и т. д.

Специфика провинциального менталитета обусловлена несколькими факторами. Первый фактор заключается в многослойности самого феномена провинциальности, а именно в том, «что то, что некогда было «центральным», «столичным», становится в последующие эпохи «провинциальным». Это обстоятельство придает термину «провинциальности» многослойность в смысловом и символическом отношении. «Провинциальная культура – это область, в которую традиционно вытеснялись и в которой, затаившись, продолжали свою ценностную работу мировоззренческие и частные элементы. Эпоха «индустриализма», заполняя все быстрее социокультурные мировые ландшафты, вызывает в отношении провинциальной культуры образ «Ковчега», сохранившего и удерживающего в известной мере до сих пор многие культурные наслоения предшествующих исторических эпох, архетипические характеристики национального характера. Концентрированность и органичность богатства провинциальной культуры, ее национального характера не только составляет ее живые питающие корни, но может, – считает автор, – прорасти крыльями, может дать ей силы для взлета Возрождения» [1, с. 45]. В этом смысле образцом национальной культуры выступает не только Центр (Минск и областные центры) с его широкой сетью объектов культуры, но и провинциальные города, например, Мир, Несвиж, Смолевичи или Волковыск, Лида и др., весьма далекие от внешнего антуража культурных институций. Для того чтобы определить социально-культурный потенциал этих провинциальных городов, одними социологическими методами трудно обойтись. Целесообразно использовать методы и методики, правда, пока слабо разработанные в отечественной социологии, из различных культурно-социологических теорий, практикуемых в мировой социологии и культурологии. Подобные исследования должны выявить либо наличие культурного капитала и потенциалов, основанных на естественно сохраненном и концентрированном культурно-историческом опыте населения провинциальных городов, либо их отсутствие, связанное с полным забвением или вычеркиванием из коллективной памяти прошлого культурного опыта. В случае его обнаружения в коллективной памяти провинциалов возникает практическая задача: как этот культурно-исторический опыт актуализировать в их гражданской деятельности, как сделать людей самоответственными и активными гражданами своего города?

Второй фактор связан с влиянием степени урбанизации и созданием так называемого городского социального пространства [2, с. 33]. В частности, в статье «Социально-градостроительные основы политики пространственного развития общества» Л. Коган обращает внимание на процессы, связанные с территориальной мобильностью и урбанизацией поселений, когда происходит, так сказать, «разрыхление» социального пространства крупных городов за счет постоянного притока в них селян и жителей малых городов. Давление периферии на центр, считает автор, – это давление традиционных, сложившихся, а порой и архаических элементов жизни на вновь возникающие, давление старых принципов отношений на новые, столкновение ценностей, целей и смыслов развития. «Деревня», по его мнению, двинулась напрямую в крупнейшие города европейской части страны: «Очевидно, что происходит разрыхление городских процессов. Сегодня уже ощутимо, что периферийное давление явно превосходит возможности крупнейших городов воспринимать его с помощью продуцированных центральных образцов» [2, с. 33].

Третий фактор обусловлен тем, что в результате необходимости совмещать как сельский, так и городской образ жизни, неспособности жителей провинциальных малых городов из-за объективных обстоятельств освоить стиль жизни крупногородского пространства возникает феномен средовой маргинальности – ситуация несовпадения локусов личностного бытия и объективных характеристик среды, несовпадение личных и средовых структур – ситуация, когда личностные параметры (мотивы, установки, смыслы) не совпадают с параметрами среды (ландшафтом, архитектурой, функциональным назначением, символическим содержанием). Сущность средовой маргинальности в ее парадоксальности: человек попадает в ситуацию, когда находится одновременно в разных местах: живя в провинциальном населенном пункте, он в своих мечтах находится в столице или другом крупном городе. Причем возможны два варианта средовой маргинальности: 1) уровень развития личности выше уровня развития среды; 2) уровень развития ниже уровня развития среды. Средовая маргинальность может приводить как к пространственной, так и территориальной деградации городов и, как следствие, к ослаблению человеческого потенциала городской среды.

И четвертый фактор связан с критерием пространственного развития – уровнем коммуникаций солидарности внутри крупногородских сообществ: «Центральность необходимо требует солидарности, солидарности не просто граждан, а именно граждан города, членов городского сообщества, не разделенных по принципу национально-этнической, религиозной, иной какой-либо другой солидарности» [2, с. 36]. Мышление категориями городских процессов предполагает отказ от самого подхода к пространству как территории, перехода к его социально-объемному, культурному восприятию, а город всегда в отличие от сельской местности обладает «плотным» социальным пространством. Л. Б. Коган отмечает: «... У каждого горожанина свои центры притяжения, своя центральность, и только взаимодействие этого множества «центральностей» позволяет объединить их в центры, значимые для всего городского сообщества» [2, с. 36]. По существу новое пространство – это новая солидарность, символическая интеграция на новой ценностно-смысловой основе. Солидарность горожан – это гражданская солидарность, отличающаяся, по мнению Л. Б. Когана, от традиционно-этнической.

С целью понять и оценить состояние и степень изменения ментальности населения малых городов и сел (агломераций) под руководством автора в 2014 г. было проведено социологическое исследование, результаты которого представлены в данной статье (всего опрошено по республиканской выборке 1459 человек, из них 34,5% – горожан и 65,5% – сельских жителей). Исследование основывалось на понимании менталитета как сложного комплекса базовых, фундаментальных, всеобщих, доминирующих потребностей, мотивов и ценностных ориентаций личности в социальном пространстве. Одним из основных способов характеристики менталитета членов того или иного сообщества является анализ предметного содержания ценностей. Современная исследовательская традиция рассматривает систему ценностей как универсальную и устойчивую структуру приоритетов, определяющую желаемую жизненную стратегию и систему ориентаций индивида. Под жизненной стратегией обычно понимают определение границ и конструирование индивидом собственной биографии в рамках долгосрочного целеполагания, реализующееся как предпочтение и выбор индивидом определенных идентичностей и достигаемых статусов, жиз-

ненных форм и культурных стилей, происходящий в ситуации актуального самоопределения. Однако не следует думать, что выбор человеком жизненных стратегий носит сугубо рациональный характер. При анализе целеполагания необходимо учитывать наличие у человека сферы неосознанных побуждений, существование эмоций и чувств. Данные, получаемые в ходе социологических исследований, дают основания полагать, что массовое сознание населения имеет двойственную природу: и рациональную, и нерациональную.

Трансформация белорусского общества не могла не затронуть систему ценностей и ценностных установок граждан. Эта проблема расценивается многими современными социологами как структурный кризис ценностей. Много говорится и пишется о разрушении традиционной для белорусской культуры системы ценностей, вестернизации общественного сознания, маргинализации культуры. В то же время существует представление о сельской и городской провинции как хранительнице исконно национального, самобытного духа.

Принимая во внимание сказанное, при изучении жизненных стратегий использовались подходы, рассматривающие их через базовые ценностные ориентации, на уровне значительно более устойчивых, но малоосознанных представлений, непосредственно связанных с реальным поведением, т. е. глубинном. Проранжировать их и выделить несколько основных ценностных групп по степени значимости позволил анализ ответов на вопрос: «Как бы Вы ответили на вопрос: ради чего Вы живете?».

В целях выявления ценностных ориентаций населения малых городов респондентам было предложено выбрать наиболее значимые для них жизненные ценности. В системе терминальных ценностей населения малых провинциальных городов доминирующими оказались ценности человеческой жизни (93,6%), здоровья (52,2%), семьи (77,1%) и детей (81,3%). Вместе с ними в группу предпочитаемых ценностей вошли любовь (39,4%), материально обеспеченная жизнь (32,2%), работа (31,4%), самореализация (30,6%), благополучие страны (24,8%) и душевный покой (30,3%). К ценностям, имеющим среднюю по уровню значимость, респонденты отнесли образование, знания (21,8%), дружбу (17,4%), помощь людям (19,3%) и самоуважение (18,7%). Низший статус (менее 15%) получили такие ценности, как вера (14,9%), свобода и независимость поступков, суждений (10,5%), карьера, высокое положение в обществе (7,2%), возможность получать удовольствия, развлекаться (5,8%), творчество (5,5%), богатство (3,6%), общественное признание, известность, репутация (3,6%).

Структура наиважнейших ценностей весьма незначительно коррелирует с полом и возрастом респондентов. Полученные результаты согласуются с данными социологических исследований по всем регионам, что свидетельствует об общих для страны тенденциях в сфере ценностных ориентаций белорусов. Анализ структуры наиважнейших ценностей показывает, что происходит движение ценностной структуры «простого человека» в сторону преобладания ценностей личной жизни и физической выживаемости над всеми остальными. Ценности группы социальных связей, которые должны занимать одно из главенствующих мест в диспозиционной структуре личности, отступили, по сравнению с прошлыми (советскими) годами, на второй план. Так, наблюдается средний уровень значимости таких ценностей, как дружба, интересная работа, самоуважение, вера, взаимопонимание. Поэтому преобладающие в прошлом ценности интересной работы, самореализации, самоуважения, творчества, общего блага и т. п. во многом оказались вытесненными индивидуально-семейными ценностями. Рост на этом фоне важности адаптации людей к материальным трудностям, выживаемости семьи, сохранения здоровья можно рассматривать не только как признак некоторой трансформации мировоззренческих и социальных установок людей, самого менталитета жителей малых городов в сторону индивидуализации, но и как следствие невысокого уровня жизни и трудностей провинциальной глубинки.

В то же время социальное взаимодействие, которое проявляется в крепких соседско-родственных связях, общих правилах и нормах поведения, во взаимодействии в производственной деятельности и т. п., является важным элементом бытия малых провинциальных городов. Для этого типа городов характерна эмоциональность социальной жизни вместо нейтральности и безразличия, свойственной большим городам. Эти эмоциональные связи между людьми, существующие в малых локальных сообществах, являются ценным культурным достоянием. И действительно,

результаты исследования подтверждают устойчивость принципов естественной солидарности в отношениях между людьми в малых городах. Объединение людей требует реального участия в судьбе другого. Поэтому 90,6% опрошенных утверждают, что в жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения, а 59,5% считают, что нравственный человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрываться что-то от себя. Так, 53,2% респондентов указали, что постоянно оказывают своим соседям финансовую помощь, 44,1% – помогают продуктами, одеждой, вещами, 51% – работой в хозяйстве, 31,1% – присмотром за детьми, больными и престарелыми. Тех, кто не оказывает никакой помощи, – меньшинство (3,9%). И хотя 22,6% респондентов заявили, что им никто не помогает по хозяйству и им приходится полагаться только на себя, эти данные не являются свидетельством разрушения идеала взаимовыручки, взаимопомощи или того, что эта помощь и поддержка не будут оказаны. Они скорее свидетельствуют о незначительности тех изменений, которые происходят в менталитете жителей малых городов, о формировании у большинства респондентов установки полагаться не только на собственные силы, но и рассчитывать на помощь друзей и знакомых. В целом можно отметить, что, несмотря на некоторые изменения в степени индивидуализации провинциального населения, в менталитете преобладает понимание того, что в жизни тебе всегда помогут, а это свидетельствует об общности основных принципов жизнеустройства жителей малых городов и сел Беларуси.

Общим для всех групп опрошенных стал рост значимости семьи (76% респондентов выразили согласие с утверждением, что главное в жизни – забота о здоровье и благополучии, а 86,8% считают, что люди и государство должны больше всего заботиться о детях). Высокая степень идентификации с семьей свидетельствует об аксиологической значимости этого института для населения. В целом можно сделать вывод о том, что в структуре ценностных ориентаций населения малых провинциальных городов наблюдается стремление к сочетанию ценностей, обеспечивающих успешность деятельности, и традиционных ценностей (72,2% респондентов считают, что главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям). Важным признаком трансформации общественного сознания людей являются изменения значимости для большинства тех или иных смыслов жизни, представлений о жизненном успехе и социальном престиже. Появилась и расширяет свое влияние «мораль успеха», ранее не характерная для белорусов. Так, 83,4% опрошенных считают, что они стали такими, какие есть главным образом благодаря собственным усилиям; 60,6% утверждают, что главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве; хотели бы заняться предпринимательской деятельностью 14,3% респондентов. Однако пока эта мораль успеха практическую реализацию получает не столь явно, как хотелось бы: только 2,5% опрошенных уже занимаются бизнесом, 0,3% – фермерством и столько же – агротуризмом. В то же время наблюдается доминирование значимости в глазах людей такой социально ориентированной ценности, как «доброта» (90,9% респондентов считают, что в любых условиях доброта делает человека лучше и чище). И хотя большинство людей полагают для себя важнейшими именно индивидуально-семейные цели, нет оснований говорить о разрушении традиционной морали и утверждении индивидуалистической «западной морали» в полной мере. Так, хоть и появилась тяга к жизненному успеху, весьма незначительными оказались показатели персонального успеха. В представлении о жизненном успехе не включаются такие составляющие, как стремление к власти, первенству в жизненно важных сферах (15%), возможность получать удовольствия, развлекаться (5,8%), общественное признание, известность, репутация (3,6%), карьера, высокое положение в обществе (7,2%). Значительно выше традиционные ассоциации: надежные друзья (17,2%), интересная работа (31,4%), самореализация (30,6%), интересная работа, профессия (31,4%), материально обеспеченная жизнь (32,2%).

Данные опроса свидетельствуют о том, что изменения в предпочтениях главных жизненных установок свидетельствуют не столько о росте индивидуализма, сколько о смене приоритетов, происходящей как под давлением внешних обстоятельств, так и в результате идеологического давления, осуществляемого через средства массовой информации. Как уже отмечалось, в сознании жителей Беларуси (в том числе и самих жителей провинции) представление о провинции

утвердилось в двойственном качестве: оно имеет уничижительный оттенок отсталости, застойности, удаленности от центров цивилизаций; в то же время существует убеждение, что именно провинция является хранительницей здоровых традиций белорусского народа. В национальной традиции особенно отчетливо актуализировался тот факт, что смысл понятия «провинция» определяется через оппозицию к понятию «столица». Подобные различия приобретают особо значимый характер в условиях разрывов в уровне и качестве жизни, порождая глубокое взаимное недоверие и даже неприятие. Речь идет, прежде всего, о преимуществах и недостатках проживания в разных типах поселений с точки зрения престижности, доступности жизненных благ, возможностей для реализации собственных жизненных стратегий. А это в свою очередь влияет на формирование того или иного образа столицы и провинций в глазах белорусов.

Главная проблема для населения малых городов – расширение круга возможностей самореализации через место работы, учебы, достижение достойного уровня жизни. Об этом свидетельствуют положительные ответы более половины респондентов на вопрос об отношении к переносу в их город заводов, фабрик и крупных предприятий из больших городов. По их мнению, такая акция будет способствовать развитию малого города: 73,3% респондентов считают, что в результате этого увеличится число рабочих мест, 49,6% – остановится отток молодежи в другие города, 49% – будет развиваться город в целом, 31,7% – улучшится благосостояние населения, 26,4% – улучшится инфраструктура города.

Сегодня демонстрационный эффект большого города усилился многократно. Жители провинции фактически ограничены в возможностях полной реализации своего потенциала. Видимо поэтому 15% респондентов из малых городов хотели бы уехать в столицу или областной центр, а 5% – из Беларуси. Переживание провинциальности как обделенности достаточно сильно среди респондентов в возрасте до 30 лет. Результаты исследований российских социологов свидетельствуют о том, что в провинциальном сообществе складывается новая региональная идентичность на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоев населения. Она приводит, как уже отмечалось выше, к формированию средовой маргинальности. Средовая маргинальность как ситуация несовпадения локусов личного бытия и объективных характеристик среды, несовпадение и личностных, и средовых структур – ситуация, когда личностные параметры (мотивы, смыслы, установки) не совпадают с параметрами среды. Одним из следствий средовой маргинальности является разрушение чувства социальной ответственности за территорию проживания. Не менее важным следствием становится стремление покинуть некомфортную среду. Молодое поколение, у которого есть материальные или творческие планы, стремится или вынуждено покинуть провинцию, предпочитает жить и работать в городах – областных центрах или устремляется в столицу. Подобная «утечка мозгов» чрезвычайно обедняет провинцию, усиливая провинциальность социальной жизни малых городов. Поэтому при исследовании менталитета человек должен рассматриваться во взаимодействии с той социокультурной средой, внутри которой он живет. Малые города представляют особый интерес для изучения процесса трансформации ментальности белорусского общества, поскольку здесь выкристаллизовываются все основные проблемы адаптации провинции к новым социальным условиям.

Если сравнить специфику сельских и провинциальных городских сообществ, то ответы сельских респондентов, проживающих в агрогородках и селах, существенно не отличаются от ответов жителей малых городов, разве только среди селян несколько больше тех, кто доволен тем, что живет в своем населенном пункте (31,1% против 26,4% в малых городах), и меньше тех, кто хотел бы уехать из него (18% против 23%). Нужно отметить, что среди сельских жителей оказалось больше, чем из числа жителей малых городов, тех, кто положительно оценил многие позиции социальной инфраструктуры, в частности, в отношении качества дорог, воды, работы общественного транспорта, освещения и санитарного состояния улиц, качества медицинского обслуживания, работы клуба и других объектов культурного досуга, состояния жилья, работы службы быта. Более негативно в отличие от горожан оценили селяне безопасность передвижения по населенному пункту, связанную с отсутствием обозначенных переходов, тротуаров и дорожек.

Сравнение ответов сельских респондентов с городскими в отношении выбора основных жизненных (а точнее, мировоззренческих) принципов показало, что у данных двух типов сообществ –

сельских и городских – очень много общего: и для тех, и для других главное место в выборе занимают традиционные нравственные и социальные ценности – человеческая жизнь, доброта, семья, работа и др. Однако у сельских жителей оценки суждений выражены более ярко и интенсивно или, точнее, эмоционально. Например, полностью согласных с суждениями: «Доброта делает человека лучше и чище» насчитывается 79,4% селян и 68% жителей малых городов; «Свобода человека – то, без чего его жизнь теряет смысл» – 62,4 и 56,2% соответственно; «Личная безопасность должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами» – 78 и 60,1%; «В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения» – 70,5 и 60,3%; «Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя» – 45,6 и 36,1%.

Жизнь в различного типа поселениях (село и малый город) оказалась основополагающим фактором при формировании миграционных настроений. В частности, респонденты – родители из сел – в большей степени ориентируют своих детей на отъезд из села, чем родители из малых городов, в более крупный город: 67,5% селян не хотят, чтобы их дети жили и работали в их населенном пункте, в малых городах таких меньше – 42,1%. Если 84,6% горожан хотят, чтобы их дети получили высшее образование, то среди селян таких 73,4%. Но зато приобрести в ПТУ, техникуме рабочую профессию хотят только 3% горожан, в то время как среди селян об этом мечтают 14,4% респондентов, что свидетельствует о сохранении за селом функции человеко-ресурсного донора для промышленности и экономики страны в целом. Причины миграции по существу одинаковы для тех и других: низкие заработки, малый выбор профессий, сложно найти подходящую работу, потребность в самореализации. Разве только у сельских жителей более тяжелый физический труд и плохие условия труда, накладываясь на них, усугубляют миграционные настроения.

Что касается экономического сознания и поведения, то в целом они мало разнятся у жителей сел и малых городов. Так, на вопрос, какими принципами респонденты руководствуются в решении материальных проблем, 75% респондентов из сел заявили, что хотят быть не хуже других, жить как все, в то время как респондентов, думающих так, из малых городов оказалось только на 10% меньше (65,8%). Наряду с этим среди жителей малых городов 24,8% таких респондентов, кто решает материальные проблемы, не руководствуясь никакими принципами (в селах таких 16,4%), что свидетельствует о реакции сельских респондентов на более сильный социальный контроль и естественную конкуренцию между людьми в селе, нежели в городе, где определенная замкнутость и закрытость личного пространства городских жителей позволяет вообще не считаться с мнением других (хотя в малых городах данный факт не так ярко выражен, как в областных городах и столице).

То, что сельским жителям приходится реально работать в две смены (на работе и дома в ЛПХ), имея при этом худшие условия труда и более тяжелый физический труд, сказалось на меньшем числе селян, предпочитающих больше работать и больше зарабатывать (77,9% против 82,6% горожан), и большем тех, кто хочет работать, не надрываясь, пусть и жить скромно (19,6% против 13,5% горожан). Поэтому 73,6% сельских жителей хотят жить пусть и беднее, зато с гарантированным уровнем жизни, без риска (в малых городах таких 68,3%). Но не только этот показатель (число желающих для повышения своего материального состояния работать более интенсивно и сверхурочно) меньше в селе, чем в городе. Не очень стремятся сельские жители идти для этого на переобучение, дополнительное обучение (26,5% против 40,8% горожан), что свидетельствует о меньшей степени выраженности, нежели у горожан, потребности в трудовой мобильности – как горизонтальной, так и вертикальной. В большей степени выражены у горожан и миграционные намерения: если 26,1% горожан хотели бы решать свои материальные проблемы с помощью работы за границей, то из числа селян таких всего 11,8%.

Как уже отмечалось, малые города несут на себе отпечаток и сельского, и городского образа жизни: в малых городах 45,5% жителей имеют приусадебное хозяйство (в селе 77,3%), при этом для 23,4% горожан подсобное хозяйство является не местом отдыха и проведения досуга, а значимым средством выживания в случае потери работы, невыплат заработной платы и т. п. Тем не менее население малых городов проявляет большую степень рыночной и социальной активности, чем селяне. В частности, среди респондентов – жителей малых городов – вдвое больше тех, кто

выступает за частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения – 33,1% (среди селян так считают 17,4%). Соответственно, среди них больше желающих стать собственником сельхозугодий. Однако реальная социальная активность жителей малых городов от селян существенно не отличается и остается невысокой: так, по их мнению, в различных формах местного самоуправления участвуют только наиболее активные люди. В качестве причин, сдерживающих социальную активность местных сообществ, и сельские, и городские респонденты указали отсутствие пользы от такого участия (30%) и неуверенность в успешности общего дела (19%). Важность тех или иных прав и свобод, вошедших в сознание и практику белорусов, горожане и селяне отмечают в зависимости от специфики образа жизни и трудовой деятельности. Для горожан более, чем для селян, значимыми являются права заниматься бизнесом или фермерством (31,7% против 20,7% у селян), приватизировать квартиру, дом (83 и 74% соответственно), участвовать в забастовках, митингах, акциях протеста (15,2 и 8%), свободно вступать в разные партии, движения и союзы (34,4 и 20%). Селяне, напротив, предпочитают обладать правом и свободой самому решать, работать ему или не работать (77,5% против 66,9%), производителям самим определять размеры производства, цены на продукцию и размеры зарплаты.

В результате изложенного можно констатировать, что менталитет выступает как выражение повседневного облика коллективного сознания местных сообществ. Он отражает связь мировосприятия, совокупности представлений человека о мире и стиля мышления с образом его жизни и поведения, выступает способом ориентации человека в социальном пространстве.

Литература

1. *Инюшкин, Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри / Н. М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – С. 45.
2. *Коган, Л. Б.* Социально-градостроительные основы разработки политики пространственного развития общества / Л. Б. Коган / Городское управление. – 2012. – № 12. – С. 33–36.

R. A. SMIRNOVA

SPECIAL FEATURES OF BELARUSIANS MENTALITY IN THE BELARUSIAN PROVINCE

Summary

Peculiarities of the provincial population mentality in localities, particularly in small towns and villages (agricultural settlements) on the material of special sociological studies have been revealed in the article. Basic characteristics of the provincial mentality and their specific manifestation in different communities have been shown, too. Such communities are rural and urban ones.

It is shown that the provincial mentality has a complex and contradictory structure.

However, it is a carrier of the common trends for the country in the sphere of value orientations for Belarusians.